

Я медленно налил воды в сосуд,
звущийся привычно вазой,
прозрачной, с темноватой глубиной,
что у Тарковского таилась в фильмах.
Я дал воде холодной остудить стекло,
чтобы оно изрядно запотело,
чтоб струйки потекли по матовым бокам.
Потом, встряхнув слегка цветы
с головками, дрожащими от жажды,
не торопясь, я погрузил их в вазу...
Взбодрившись, обреченные растенья
взглянули на меня наивно-благодарно,
потом – на очертанья комнаты пустынной,
нагретой отрешенным солнцем,
которое лучилось беспристрастно
на одиночество бескрайнее мое
с безадресной красой моих цветов.
Был жаркий день...

БРОШЕНО

Они лежали, сиротливо горбясь,
Две вещи, брошенных женой.
Из недоношенности их сочилась горечь,
И я жалел их – две, и по одной.
И был один предмет пальто добротным
И курточкою легкою другой.
Любая девушка надела бы охотно,
Но раз все брошено – нет девушки такой!
И брошены остались недолеты
Моей руки до тонкого плеча,
И редкие о воротнике заботы,
И за рукав хватанья сгоряча,
Засовывания в карманы потаенно
Богатств из простеньких конфет

В киношке, от толпы уединенной,
Той, где веками не включают свет.
И видел я, как в складках, столь знакомых,
Кривились губы запоздалые мои,
И слышал я: над миром восходили громы,
И, прячась в листьях, замолкали соловьи...

ОСКОЛОК

Бабушка Маша меня удивила:
Она к стенке осколок в рамке прибила.
Внук-историк сказал, что осколок немецкий, –
А она усмехнулась как-то по-детски,
Эта странная бабушка Маша:
"Может, этим осколком кого-то из наших?..." –
И к фотографиям тех, кого хоронила,
Честно скажу, очень близко прибила...
А хоронила – и в ближних могилах,
И в дальних, заочно – по похоронке.
А теперь – вот они тут, в родимой сторонке.
И тут же – осколок, а любимая бабка:
"Вот помру я – заверни его в тряпку
И положи мне под голову, милый,
Ведь и меня им, проклятым, убило!"

Когда придет пора считать
Птиц улетевших и погибших,
Я осени седую благодать
Приму, как милостыню нищий.
Пойму, что многое во мне
Ещё вполне живым осталось,
Но многое в холодной тишине
Листом увядшим отлеталось.

ДУША И ТЕЛО

Мое тело летело,
Душа моя пела.
И грезились телу
Движенья умелые.

Душа отставала,
Душа уставала,
Но, все же, к ночи
Кое-что успевала.
Порой они были
Как две лесбиянки,
Но чаще – как две
Разъяренных цыганки,
Пришедших на драку
Из таборов разных.
Но я этих дур
И люблю, и праздную.
Поочерёдно,
Реже – совместно.
С годами стало
Мне интересно,
Кого же из них
Я больше люблю:
У них я – один,
Но из двух состою...

Она стояла у окна,
Курила и на снег смотрела.
Душа давно жила одна,
И одиноким жило тело.
И убедившись снова в том,
Она смотрела и курила.
Снег падал тихо за окном –
А все ведь было, было, было!

... И памятник стоял, как брат
Тем польским рощам,
Где лег навеки наш солдат.
– Поляки ропщут.
– Поляки ли сынок?
Где боль та польска,
Когда их русский воин смог
Спасти небесным войском?
Где Аушвиц, где Собибор,

Варшавское где гетто?
– Ах, мама, разве то позор,
Когда их честь задета?
– Какая честь, какой крови
Ты ищешь всплески? –
Смотри, сынок, огонь горит
В том дальнем перелеске.
А у костра сидит поляк
С советским автоматом.
Там рядом фриц лежит, как хряк,
А русский кроет матом,
И говорит: "Как ты его!
Я б не сумел так ловко!"
А тот: "Он выжег все мое село.
А из крестов – подковки!" –
И русский у костра всплакнул,
Свои несчастья вспомнив...
Из этих польско-русских скул
Тот скульптор всё и отлил.
... И памятник стоял, как брат
Тем польским рощам...

SILENTIUM

Я выключил звук –
и актеры возникли
в молчании глаз,
улыбок и жестов,
в своих интервью неслышных
громким телеканалам.
Они раскрывались,
словно раковины
под прозрачной водой,
неслышно смыкая
створки ладоней...
И подумалось мне:
истинен тот актер,
кто умеет играть беззвучно,
кто умеет играть бессловесно, –
чтобы потом захотелось
звук врубить на полную
МОЩНОСТЬ!

Знак жизни заросшей и умершей жизни,
Шипящий песок на месте свиданий, –
Как будто ведет меня старая кобра
По городу, спящему в пыльных постелях,
Как будто листает иссохшие створы
Старинных альбомов с картинами счастья,
С бисерным смехом в глазницах усопших...
Потом она сделает то, что умеет –
И я окажусь в светлом, радостном мире.

СЕРСО

Она играла со мной в серсо
галактиками и планетами,
а потом уезжала в свое сельцо
стучать кастаньетами,
колотить днями о дни
и ночами о ночи, –
А теперь мы остались одни:
два кольца на бечевке строчек...

Рождались звуки в комнате под утро:
То ль что-то тикало, то ль капала вода,
То ль кто-то в одеяло зарывался мудро,
То ль где-то, греясь, напрягались провода...
Шершавый снег в коктейле с мягким светом
Вливался в мое тусклое окно,
А фотографии моих родных при этом
Лампадки возводили на чело.
И мне казалось: век вот-вот остынет,
Стволы и жерла отведет от нас, –
И мы предстанем пред своей Святыней.
Ей имя – Русь, а Русь нас не предаст!

В нашем доме пахло овчиной.
(Впрочем, дом был вовсе не наш.)
Заходили, курили мужчины,
Никогда не являли кураж.
Привозили мясо парное
Прямо утром убитых овец.
Уходили по двое, по трое,
Не отягчив своих чистых сердец.
Возвращались с ничтожным добытком,
Пьяные в стельку от дружеских браг,
И детям тянули суровую нитку
С петушками из сахара – и не было благ
Нам, безотцовщине послевоенной,
Дороже, чем от душистых тех мужиков.
Мы выросли. Все – обыкновенно.
Но я им благодарен – во веки веков!

Однажды мне под руку вышло
обрезать старую фотографию,
чтобы вошла в новое место
в таком же старом, как сама, альбоме.
Я взял ножницы – и занёсся
над берегом речки прозрачной,
над верхушками пышных деревьев,
под ножками девочек юных,
играющих в мячик неясный,
под пачками с чем-то,
как будто съедобным;
под занавес странного лета
или лета ребячьих странностей;
вновь, однако, над облаком – в виде
то ли попы прекрасной,
то ли головы Карла Маркса,
сбоку от вывески "Мороженое",
и от парня с пьяною рожей. –
И тогда я взял и сломал ножницы,
а фото повесил на стену.

ИДЁТ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (четверостишия)

Доказывать цикличность бытия
Мне не пристало в мои годы –
Пока живут мои друзья,
Не властен надо мною круг природы.

Я видел, как мостят дороги,
Как оступаются на них
И как даётся лишь немногим
Редчайший зверь с названьем "стих".

При всей огромности житья –
Куда ни глянь: за бездной бездна. –
Побойтесь малого, друзья:
В нём не одна вселенная исчезла!

Ход Времени порою непонятен:
Кому враждебен он, кому – приятен.
Но все в одном согласны без обид:
Всегда идёт оно – на месте не стоит.

Выбирая домовину,
Обживал я сто домов.
Но вдруг понял: мир не кину –
К новоселью не готов!

Глядя в строгий лик Смоленщины,
Так скажу, друзья:
Краше этой русской женщины
Никого не встретил я.

Идёт гражданская война
Чиновников с народом,
И не кончается она,
А только шире год от года!

Пора наивностей советских:
Очередей, "колбасных" поездов...
Так почему ж я не по-детски
Всё за неё отдать готов?

Не так у нас всё просто, господа,
И беды в ряд становятся по росту.
Но не явилась наша главная беда,
Которая звалась "Всё просто"!

Я заведомо – один из многих,
Без претензий на венок и пьедестал.
Просто я прошел свои дороги:
Видел, чувствовал, листал...

Умерла моя телефонная книжка:
Её цифры теперь – номера далёких планет
Или длительность эр незнакомых божеств.
Я никак не могу дозвониться.

Отойдя от начала начал,
Приближаясь к концу концов,
Я вдруг понял, что с детства кричал
Рваным горлом наших отцов!

Не знаю, где, когда – не знаю.
Но знаю: встретимся мы, милый друг, –
Когда Господь перечитает
Скрижали встреч и летопись разлук!

Мужчины в женщинах, а женщины – в мужчинах
Реализуются, как бы в едином организме.
Вот почему друг к другу тяготеем беспричинно –
И ведь не только для продленья рода или жизни!

Мы – как листки на дереве, на общем:
Мы все лепечем на разных языках.
Но дерево единство нам пророчит.
Ах, было б живо дерево... и снова ах!

Она сидела на окне,
Поджав и приобняв колени,
И словно пчёлы с мёдом к ней
Слетались лёгкие мгновенья.

От меня пахнет ветром, дождём и дорогой.
От меня пахнет травами, лесом, рекой,
Дымом чуть-чуть и собакой немного –
И мечтой: до тебя дотянуться рукой.

Мудрей нас делают года,
И все довольны, сединою пудрясь.
Да вот со мной опять беда:
Скучна мне стала мудрость!

Слеза слезой, но помни:
Тропой не торопись –
Порой опасна пойма
Реки с названьем Жизнь!

На поле игры и на поле сраженья
Ты знай, что всё это – бой.
Но победа или поражение –
От страны, что у тебя за спиной!

Нет, мне не страшно уходить, –
Мне страшно не успеть
Того, что должен впереди,
Того, что должен спеть.

Это счастье немногих –
Солнце утром встречать
И упавших звёзд слог
Для стихов собирать.

Смотрю на картины лубочные –
И всё чаще теперь сознаю:
Есть такие ж стихи, и чем больше их,
Тем поэзия ближе к нулю!

От моего народа я неотделим.
Сквозь толщу прошлого он светит,
Чтоб я грядущее увидел с ним
На солнечной и радостной планете.

Любовь к жизни – радость её.
Потому и люблю Ван Гога...
Бритвы к уху тяну остриё,
Или всё ж подождать немного?

Нет, реку Времени не переплыть:
С её течением не спорят.
В воображенье она – нить,
В реальной жизни она – море!

Россия: от войны и до войны,
Как между Сциллой и Харибдой.
Мы – дети этой бешеной страны:
Нам в ней что жить, что умереть – не стыдно!

Я всю жизнь собираю осколки,
Чтобы склеить старую вазу,
Чтобы встала на ту же полку
И потом не упала ни разу...

От снега до снега,
От берега до берега
Качается время
Над Русью моей.
И маятник этот
Толкает планету
Перстами лесов
И ладонью полей.

Кошки любят спать
На вещах хозяев,
Теша живых,
Вспоминая усопших.

Снова и снова
Вглубь слова людского
Душа моя держит путь.
И всякий раз она не готова
На привал с той дороги
Свернуть.

Месяц в жёны себе взял
Звёздочку-девчонку
И за облаком пропал,
Как в своей хатёнке.

Я понял: сколько б не писал,
Я остаюсь в предгорьях Слова.
Я – у начала всех начал.
И всё же – снова, снова, снова...

Россия плакала, нам запрещая плакать.
Она безропотно несла свой тяжкий крест
И возносила новым знаком Зодиака,
Предупреждающе воздев ракетный перст.

В эпоху связи проводной
Мы провода любили слушать:
Они гудели над страной
От слов, соединявших души...

Никогда я не гнался за славой:
Слава – слишком быстрая птица.
В мечтах о большом обходился я малым:
Жизнь всегда – то журавль, то синица!

Мы в юности все правим миром,
А стариками правит мир.
Мой мир теперь – моя квартира,
А молодёжь – риэлторы квартир.

У нас все про Родину пишут,
Про её леса и поля,
Про душу, которой нет выше...
Я как-то на улицу вышел,
Сказал я ребятам: "Потише!" –
И ребята убили меня!

Смоляне, мы взяли рейхстаг.
Смоляне, мы взяли космос.
Весь мир вопрошает: "Ну, как это, как?!" –
А у россов нет лишних вопросов!

Дорогой мой приятель поэт!
Знаешь, наши стихи не нужны, –
Что-то там с адресами планет...
Что-то там с адресами страны...

Стало мельче моё море.
Стало глубже моё горе.
Ослабели мои ветры,
Стали крепче мои веры.
А звезда моя – всё выше.
Только сердце – тише, тише...

Я лечу. Никуда я не еду.
Делю с птицами общее кредо:
Я им слово, они мне – крыло...
Как же им, да и мне повезло!

Лошадка по имени Слава
Меня подождёт в палисаде.
Я просто – ваша застава,
Я просто – Боброк в засаде!

На старых снимках те, кто впереди,
Уже давно среди святых летают,
А те, кто сбоку или позади,
Так и стоят – они не умирают!

Он – не история, он – здесь,
Он в сердце бьётся.
Смоленском мой птенец зовётся.
Он – Гамаюн, благая весть!

В последних искрах моей мамы
Я вижу столько молодых огней!
За каждой искоркой я следую упрямо
И за кострами матери моей!

Там, где лёгкое облако таяло,
Пролетала над миром Цветаева
И несла под НЭПовской стрижкой
Семь галактик и свежую книжку...

Стали лесами наши поля,
Наши реки стали ручьями.
От людей отдыхает земля,
Но о них же вздыхает ночами...

Старик Хрущёв пообещал,
Что будем жить при коммунизме.
Теперь я вижу: он не врал –
Был коммунизм в моей отчизне!

Занимается осень ландшафтным дизайном
И листву отпускает кружить в синеве.
Вся Россия звенит золотым своим займом,
Чтоб его погасить серебром по зиме.

Река и речь суть два линейных чуда:
В глубинах вечности сойдясь,
Текут неведомо откуда,
Времён осуществляя связь.

Кленовый лист один лежал
В фонарном круге света.
Он знал: зима, – но не дрожал,
И в пятерне своей держал
Последний лучик света.

Не сберегли, как ни старались, –
Словно фарфоровой вазой кидались.
Не метили в голову – берегли,
Да вот вазу спасти не смогли!

В пустом глазу слепого утра
Я рассмотрел осколок солнца.
И я извлёк осколок этот,
А утро вдруг расплакалось дождём.

Не всё у нас поэзия, мой друг:
Жизнь чаще излагает текст свой прозой,
И эта проза редко улаживает слух,
Давно забыв тургеневские розы!